

“Я сижу на туалетной бумаге”.

Так невразумительно я отвечаю, когда меня спрашивают, как я зарабатываю на жизнь. Дело в том, что вот уже двадцать три года я работаю в оптовой фирме, торгующей сантехникой и моющими средствами. Тридцать шесть часов в неделю. С понедельника по четверг с 8.00 до 17.45, перерыв на обед — сорок пять минут. Из них двадцать минут трачу на поглощение бутербродов и яблока, а остальное время — на прогулку по промзоне Брёкелен. Проходя мимо киоска “Фриты от Пита”, я покупаю телячий крокет. Сам Пит давно умер. В один несчастный день у него случился сердечный приступ, и он свалился в витрину с мясными салатами и крокетами. Единственным посетителем оказался шофер польского грузовика. Он сразу же позвонил в скорую, но не знал ни слова по-голландски. А дежурная в диспетчерской не знала ни слова по-польски. Так что разговор затянулся. Когда через тридцать пять минут скорая все-таки приехала, Питу уже ничем нельзя было помочь. Торговлей занялась Трес, жена Пита. Жаль, что ее имя не Йет. “Крокет от Йет” — неплохо рифмуется. Я на самом деле немного обеспокоен тем,

что на крыше до сих пор красуется большая вывеска “Фриты от Пита”. Трес говорит, это дань уважения Питу. Понятие “дань уважения” не слишком вяжет-ся с Трес. Впрочем, и с Питом тоже.

За пять минут до конца обеденного перерыва я снова усаживаюсь за свой стол и начинаю проверять сообщения о новых заказах. За столом напротив работает Беренд, он рассылает счета и называет себя финансистом компании. В нескольких метрах от него располагается Марике, секретарша директора. Сам директор, господин Хертог, имеет отдельный кабинет со столом орехового дерева. Когда к нему приезжают новые клиенты, Хертог, ласково поглаживая стол, приговаривает: “Недурно, правда? Настоящий орех”. Раньше стол принадлежал его отцу, Хертогу-старшему. Он до сих пор раз в неделю посещает офис, сидит, тычет в свой айфон с таким видом, словно заявляет: “Посмотрите, в свои восемьдесят я иду в ногу со временем!”

В пятницу у меня выходной. По пятницам я играю в гольф с тремя лучшими друзьями.

2

Меня зовут Артур Опхоф. Вот уж двадцать четыре года я живу в аккуратном таунхаусе в Пюрмеренде, в квартале новостроек восьмидесятых годов. Его строили в то время, когда в моду стремительно входили дворики, закрытые для машин.

В то время моя жена Афра была от них в вос-торге:

— Значит, через несколько лет наши дети смогут спокойно играть во дворе.

Только детей у нас нет. Мы много лет старались их занять, но безуспешно.

— Это создает некоторую напряженность в сексуальном партнерстве, — сказала Афра семейному психологу.

Этих слов вполне достаточно, чтобы сделать из меня импотента. Афра — единственная из моих знакомых, кто рассуждает о “сексуальном партнерстве”. Да еще с учетом менструального календаря.

— На самом деле это смертельно для сексуального партнерства, — сказал я психологу.

У Афры отвалилась челюсть.

Психолог задумчиво кивнул. Кивки были самым ценным его вкладом в наши беседы. Однажды я подсчитал, почем мне обходится один кивок, и подсчеты меня не обрадовали.

Еще через несколько лет, после долгих мытарств, выяснилось, что у Афры что-то не в порядке с яичниками и она не может иметь детей.

Таким образом, отпала главная причина жить в Пюрмеренде, а именно с упомянутым двориком без автомобилей у подъезда. Я подумывал перебраться в Брёкелен, где тоже имелись вполне красивые таунхаусы и откуда было на час ближе к моей работе, но Афра этой идеей не вдохновилась.

— Я прямо прикипела к Пюрмеренду, дорогой, — уверяла она.

— Прикипела — не прикипела, что за слова такие? Я-то не прикипел к Брёкелену, — возражал я.

— Вот именно. Вот и прекрасно. И незачем переезжать в Брёкелен, уж лучше останемся здесь.

Сам себя подвел. Оставил все как есть и вот уж двадцать третий год четыре раза в неделю езжу по утрам из Пюмеренда в Брёкелен, а по вечерам из Брёкелена в Пюмеренд.

3

Если разобраться, друзей у меня не так уж много. Собственно говоря, трое: Стейн, Йост и Ваутер. Мы дружили еще в школе. Делили радость и горе, а бывало, что и девчонку.

В последние годы мы встречаемся в основном по пятницам. Играем в гольф, в любую погоду. На прошлой неделе Стейн заметил, что это “всегда особенно приятное начало конца недели”.

— Не слишком удачное словосочетание, Стейн, — отозвался Йост.

Стейн работает учителем в средней школе. Преподает немецкий и, как прежде, считается самым примерным мальчиком в нашей гольф-компании. Среди нас он немного белая ворона, но мы ему это прощаем, ведь он всегда был такой. Мы дружим с ним скорее по привычке, чем по убеждению.

Они с Йостом совсем разные. Йоста никак не назовешь пай-мальчиком. Он адвокат и имеет обширную клиентуру, состоящую из мошенников, злостных неплательщиков налогов и жуликоватых белых воротничков. Он и сам вполне под стать своим клиентам и наверняка замешан не в одну аферу.

— Вы единственные, кому я говорю правду, — признался он недавно. — По крайней мере большей частью. В деловых контактах я в основном тяну резину, а если это не срабатывает, то стараюсь врать как можно ближе к истине.

— А как с женой? — спросил Стейн.

— О, я и с ней всегда предельно честен, — с ухмылкой отвечивал Йост.

Стейн посмотрел на него с недоверием:

— Ну-ну.

Йост ловкач, он решает проблемы, играя на грани фола, но почти всегда выходит сухим из воды.

Ваутер, мой третий друг, тоже не ангел, однако свои дела в области информатики ведет основательно. Когда-то я пытался выяснить, чем именно занимается его фирма, но он ушел от ответа: “Кое-чем. Программированием. Тебе не понять”. Пожалуй, мне и впрямь не понять. У Ваутера красивая жена, красивый дом и красивый автомобиль (в порядке значимости). И в своих дорогах, сшитых на заказ костюмах он всегда выглядит безупречно. Для его образа жизни необходимо одно немаловажное условие — иметь деньги. И они у него есть. Сколько? Об этом он не распространяется.

“Скажем так: вполне достаточно”, — отвечает он, когда его спрашивают.

А я сам? Всегда мечтал жить интересной жизнью, с размахом, только вот по тем или иным причинам ничего из этого не вышло, разве что живу в спальном районе Пюрмеренд да торгую туалетной бумагой в Брёкелене.

“По-моему, для бурной жизни ты слишком ленив, — заметил Йост на прошлой неделе. — Или слишком труслив. Или то и другое разом”.

Я хотел было возмутиться, возразить, но в тот момент не сумел подыскать аргументов. И потом не сумел, хотя подыскивал их несколько дней. Я в самом деле довольно ленив. Может, и не трус, но по меньшей мере очень осторожен. Противное ощущение, словно сосет под ложечкой.

4

О мертвых — либо хорошо, либо ничего. По-моему, это перебор. Недавно померли Йохан Кройф, Дэвид Боуи, Принс и Мохаммед Али, и всех четверых чуть ли не причислили к лику святых. Я тщательно проследил и обратил внимание, что в бесконечном ряду газетных статей и телепередач не нашлось почти ни единой критической строчки о покойных знаменитостях. Зато каждый раз объявлялся рой самозванных друзей, которые вещали о том, как они лично обожали своих героев, пока те были живы.

Никто не сказал, что Кройф, пусть и фантастически одаренный футболист, был упрямым и самодовольным типом. Или что Али был глуп настолько, что довел себя до болезни Паркинсона: слишком долго оставался в боксе, и все ради денег. Ему бы приберечь хвастливые разговоры о пике своей карьеры до выхода на пенсию — не так были бы заметны провалы в памяти. И при всем тщеславии Боуи и Принса лучше бы им иногда помолчать в тряпочку.

“Кройфа любят сравнивать с богом, но меня это не колышет. Я имею в виду, что бог — это хорошо, но он, конечно, не Кройф”.

Прочтя этот твит Кройфа, я расхохотался. Уход из жизни той или иной знаменитости редко огорчает меня или потрясает, и я не тороплюсь возлагать цветы на могилу или зажигать поминальную свечку.

I

— **А** вообще ты счастлива, Афра? — спросила меня вчера подруга Хелен на занятиях йогой. Ее вопрос застал меня врасплох в позе лотоса.

— Ну-у... думаю, да. Более-менее.

— Думаешь или знаешь? И что значит более-менее? На четыре с плюсом? Или на тройку с минусом?

— Господи, Хелен, прямо сейчас отвечать? Я же пытаюсь уйти в нирвану, — попробовала я отшутиться.

К счастью, она больше не задавала этот вопрос. Но он застрял у меня в голове, и застрял прочно. Подозреваю, что в течение многих лет я старалась обходить его, но раз уж он поставлен, его не обойдешь.

Я решала его несколько дней и теперь, как это ни больно, как ни трудно, признаюсь, что честный ответ: на тройку с минусом. Иногда на тройку, но бывает, что и на четверку. Хотя и тройка с минусом, возможно, ответ не совсем честный, потому что ставить своей жизни неуд — это слишком.

Раньше было лучше.

Когда мы с Артуром познакомились, я была счастлива. И первые несколько лет в Пюмеренде мы жили очень весело и беззаботно и ездили по всему свету. В Египет, например, и в Мексику.

Правда, за границей с нами происходили разные неприятности. В Мехико, например, нас обо-

крали, и пришлось несколько дней ждать, пока нам выдали новые паспорта. А в Египте мы заболели.

С тех пор я панически боюсь путешествий. И этот жуткий страх не проходит, к моей собственной досаде. Хотя я вроде бы застрахована от всего, от чего можно застраховаться. Но разве от всего застрахуешься? Во всяком случае, страсть к путешествиям остыла. Теперь мне хватает велосипедных прогулок по красивым местам в Нидерландах. Германия тоже красива. Да, знаю, это вроде бы малодушие, но оно сильнее меня. При мысли, что в отпуск нужно ехать куда-то в Африку или в Китай, меня прошибает холодный пот. Артур хотел бы в Японию, но я — ни за что. Хотя бы потому, что там совсем рядом Северная Корея.

Пусть я обедняю собственную жизнь, но, по-моему, неделька в Дренте или на Терсхеллинге ничуть не хуже. Подведем итог: тройка с плюсом.